

### Императорский дворец, Дирекция церемониала

Дирекция церемониала, расположившаяся у самого подножия горы Уцзян в глубине Пурпурного запретного города, встречала очередной суетный день. С тех самых пор, как это ведомство вошло в силу, его залы никогда не пустовали: здесь вечно толпились просители, а слуги сновали нескончаемой вереницей.

Молодые евнухи, проходившие мимо, провожали тоскливыми, полными зависти взглядами это скромное на вид здание. Пусть размерами оно уступало и половине соседней Дирекции дворцового хозяйства, именно здесь вершились судьбы империи.

На заре основания Великой Ци в недрах Внутренних покоев учредили двенадцать управлений, призванных упорядочить управление слугами и дворцовым хозяйством. Каждое из этих ведомств отвечало за свою долю повседневных забот, но главенствовала над ними одна-единственная — Дирекция церемониала.

Поначалу в её ведении находился лишь придворный этикет. Однако череда сменявших друг друга директоров с печатью шаг за шагом вела ведомство к вершинам власти, пока наконец не выхлопотала для себя право «пихун» — право наносить на указы резолюции красной тушью. Изначально эта власть безраздельно принадлежала государю. Но императоры, не желая уступать полномочия Кабинету министров и в то же время тяготясь рутинной государственных забот, перепоручили сию обязанность преданным слугам. Год за годом влияние Дирекции крепло, сделав её ныне самым могущественным столпом империи.

Ныне за ней прочно закрепилась дерзкая слава «первого ведомства Внутреннего двора».

Главу ведомства, евнуха-директора с печатью, шёпотом именовали «Внутренним канцлером», приравнивая его влияние к могуществу Первоприсутствующего министра. Кабинет министров и Дирекция церемониала могли править империей в согласии, но чаще вели непримиримую борьбу за первенство подле престола.

Именно поэтому Чи Нин всеми силами стремился занять там место. Он тоже жаждал власти — той, что позволяет повелевать грозам и подчинять своей воле ветра.

Будь жив его учитель, не случись несчастья с покойным государем — и судьба сложилась бы иначе. Чи Нин наверняка бы усердно грыз гранит науки в Палате Литературного Величия. Каждый евнух знал: обучение там служило золотым мостом, ведущим прямым путем в заветную Дирекцию церемониала.

Но именно на этом пороге его и развернули. Сначала твердили, будто он слишком юн и неопытен, затем — что в его костях тлеет дух бунтарства, а самому ему недостаёт широты ума... Словом, блестящий путь Чи Нина к вершинам власти дал крутую трещину и вильнул в

сторону. К счастью, юноша обладал редким даром не унывать. Коли прямая и честная дорога оказалась заказана, глупо было бы не вильнуть в обход — и не прибрать к рукам Восточный притвор.

Какая разница, какого цвета кошка, если она ловит мышей?

Восточный притвор обладал редким и завидным правом направлять доклады напрямую на стол императора. Однако Чи Нин умышленно пренебрёг им. Его приветственное прошение преспокойно и вызывающе пылилось на столах нескольких сопутствующих евнухов. Поговаривали, один из пишущих евнухов лично швырнул свиток подчинённым со словами: «Решайте сами, что с этим делать».

И теперь сопутствующие евнухи — холёные, манерные, больше походившие на капризных сестёр, нежели на братьев, — сверлили этот свиток угрюмыми взглядами. От тяжких дум на их нарумяненных лицах, краше которых не сыскать и среди придворных дев, грозили прорезаться глубокие морщины.

— «Решайте сами»? И как нам прикажете решать?

— Подадим прошение наверх — навлечём на себя гнев сторонников Мучунь. Придержим — разозлим Восточный притвор. И почему этот господин Линь вечно отыгрывается именно на нас? У него в двенадцати управлениях врагов пруд пруди, одарил бы своей «милостью» кого-нибудь другого для разнообразия!

— Что вообще у этого Чи Линя на уме?

— Что-что... Издевается он! — фыркнул другой. — Строит из себя невесть что и явно метит наперекор нашему начальству.

— А я предлагаю просто спрятать бумагу под сукно. Потянем дней десять, от силы полмесяца. Как только решится вопрос с должностью директора Восточного притвора, сладкой жизни Чи Нина придёт конец!

Последним подал голос младший брат евнуха Ма — при дворе этих двоих величали не иначе как Старшим и Младшим Ма. Разумеется, Младший Ма и помыслить не мог о возвращении Чи Нина: тот непременно смешал бы все карты и лишил его брата завидного поста директора Восточного притвора.

Видя такую решимость, остальные поспешили согласиться — своя рубашка ближе к телу. В конце концов, даже если небо рухнет, расхлёбывать кашу придётся братьям Ма.

На том и порешили. Влиятельные евнухи, страшившиеся возвращения Чи Нина, вздохнули с облегчением.

\*\*\*

Между тем сам Чи Нин, находившийся на самом юге столицы, и знать не знал о заговоре в недрах Дирекции церемониала. В этот час все его помыслы были заняты куда более насущным делом — он размышлял, чем попотчевать на ужин своё бесценное чёрное дерево.

"Как мне преподнести вам этот цветок? Принести в жертву собственного сына?"

Господин Юань ответил не сразу:

"... В этом нет нужды. Просто позволь ему подойти поближе".

"Насколько близко?"

"Я скажу, когда хватит".

Едва прозвучали эти слова, Чи Нин поманил к себе Су Лу. Тонкие, белые пальцы господина Линя, изнеженные и гладкие, никогда не знали тяжёлого труда. Он лениво шевельнул ими, словно подзывал заигравшегося кота, — без всякого злого умысла, просто повинуюсь своей капризной натуре.

Су Лу выказал завидное послушание. Стоило названному отцу подать знак, как юноша без колебаний шагнул вперёд, готовый сокращать расстояние до тех пор, пока его не остановят.

От молодого историографа веяло едва уловимым, чистым запахом чернил и старой бумаги, сам же Чи Нин источал изысканный аромат благовония «Далёкие горы». Тонким вкусом новоявленный папаша сроду не отличался, руководствуясь в быту простым и грубым правилом: «выбирай не лучшее, а самое дорогое». Благовоние «Далёкие горы» подходило под это мерило как нельзя лучше — оно стоило баснословных денег, а достать его в столице было труднее, чем жемчуг из глубин южных морей.

Впрочем, редкие вещи стоят дорого не без причины. Этот аромат — сладкий, но лишённый приторности, глубокий и благородный — обладал вкрадчивой властью. Он мгновенно и безраздельно заполнил всё пространство, дурманя чувства.

Су Лу поднял глаза на стоявшего перед ним названного отца. Тот был моложе его самого, а его изящная осанка и утончённая красота напоминали драгоценную нефритовую статуэтку. По лицу молодого учёного вдруг разлился смущённый румянец, а в душе всколыхнулось безотчётное желание сделать ещё шаг навстречу.

Но тут в сознании Чи Нина наконец прозвучал долгожданный приказ божества, и евнух поспешно выдохнул: «Стой». На самом деле он терпеть не мог чужих прикосновений — близость посторонних лишала его привычного чувства контроля.

Чи Нин протянул руку и ласково, точно любящий родитель, коснулся шеи Су Лу, а в это время незримые пальцы Господина Юаня сорвали с юноши его сегодняшнее изысканное угощение.

Как говаривал сам тёмный бог, вкус чужой «любовной одержимости» напоминал изысканное лакомство: с лёгкой кислинкой, едва заметной сладостью, тающее на языке. Чем безумнее была чужая страсть к Су Лу, чем больше грехов она за собой влекла, тем слаще оказывалось угощение. И пока не устранена причина, Господин Юань мог лакомиться этой силой без конца, словно бесконечной трапезой.

"Благодарю за угощение", — вкрадчивый шёпот тёмного божества эхом отозвался в его мыслях.

Чи Нин плавно убрал руку с шеи юноши и ободряюще похлопал его по плечу, явив собой образец отеческой заботы.

Молодому человеку показалось, будто его чувства сыграли с ним шутку: тяжесть и ноющая боль в плечах, изводившие его последние недели, бесследно испарились от этого мимолётного прикосновения. Словно незримое, давящее бремя, о котором он сам не подозревал, соскользнуло с его плеч по воле названного отца.

Чи Нин прищурился и спросил:

— Скажи-ка, в последнее время у тебя бывали затмения? Ну, знаешь, когда мысли путаются, а взгляд сам собой стекленеет?

Су Лу удивлённо кивнул:

— Да, бывало.

С каждым днём эти странные приступы становились всё дольше. Ему даже мерещилось, будто в моменты беспамятства чьи-то холодные руки обвивают его шею, сжимая объятия до хрипа, до удушья.

— Впредь этого не повторится, — ласково улыбнулся Чи Нин. — Твой отец позаботится о том, чтобы этот шутник заплатил по счетам.

Чи Нин без зазрения совести вертел названными сыновьями как ему вздумается, но если кто-то другой смел посягнуть на его «собственность», пощады ждать не приходилось. Обижать этих оболтусов имел право только он сам, а любого чужака евнух заставил бы горько пожалеть о появлении на свет.

Такова была его слепая, собственническая любовь.

Разумеется, творить благодеяния втайне Чи Нин не собирался — пусть Су Лу видит и помнит. Мистическая таинственность — отличный способ укрепить свой авторитет. Чем меньше подчинённые знают о твоих истинных силах, тем глубже их страх и тем меньше у них желания бунтовать. Чтобы удерживать в узде ораву великовозрастных сыновей, главе семейства требовались неординарные способности.

— Отец хочет сказать... — Су Лу и сам давно подозревал неладное, но, не зная, к кому обратиться за помощью, молча сносил напасть.

Слова Чи Нина упали на благодатную почву — юноша поверил ему безоговорочно.

Однако договорить им не удалось — из запредельных высот императорского дворца пришла весть о каком-то потрясении. Подробности наружу не просочилось, но по столице немедленно объявили ранний комендантский час. Горожане поспешно затворяли ставни и запирали двери на засовы. Собрать сыновей за ужином не удалось, и лишь благодаря расторопности Ся Ся, который прислал к Чи Нину верного соглядатая из Восточного притвора, удалось прояснить обстановку.

Чи Нин не выказывал лишнего любопытства — он прекрасно знал, что рано или поздно тайное станет для него явным.

Так и случилось. На следующий день Младший канцлер Ся, выкроив свободную минуту, лично явился к Чи Нину и во всех подробностях изложил суть дела. Заварушка оказалась тесно связана с заговорщиками, чьё дело Ся Ся как раз вёл. На правах главного следователя он держал руку на пульсе, так что за расследование можно было не переживать. Куда сильнее Младшего канцлера тревожила участь самого Чи Нина.

— Отец, вы уверены, что мне не стоит словечко замолвить перед Его Величеством о вашем возвращении? — озабоченно спросил он.

— У меня всё под контролем, — Чи Нин качнул головой. — Займись своими делами и не мозоль глаза здешним соглядатаям без крайней нужды.

Осадное положение в столице не сняли и на следующий день. По улицам шныряли патрули, обывателям запретили покидать дома, а по переулкам поползли самые зловещие слухи. Чжуанъюаню Су, вынужденному заночевать под крышей Чи Нина, пришлось остаться в его усадьбе ещё на сутки. По счастью, у чиновников выдался законный день отдыха, иначе молодому учёному было бы крайне непросто объяснить коллегам, каким ветром его занесло в личные покои грозного евнуха из Восточного притвора.

Но пока простые смертные сидели под замком, сильные мира сего с лёгкостью пренебрегали любыми законами и запретами.

Едва рассвело, Великая принцесса Канлэ повелела запрягать экипаж и устремилась напрямиком

во дворец. Известие о том, что новый государь занят важной беседой с министрами, её не остановило: растолкав стражу, она вихрем ворвалась в тронный зал. Её покойный брат звался императором Су, и кто бы ни восседал ныне на драконьем престоле, этот человек обязан был именовать её августейшей тётушкой. Влияния и спеси старой принцессе было не занимать.

Под роскошными складками парадного синего одеяния скрывалась женщина, начисто забывшая о приличиях.

— Кэ-эр! Ты должен защитить моего Шибao! — с порога запричитала она.

Новый государь Вэнь Кэ славился маниакальной приверженностью ритуалам. Ещё до восшествия на престол он ухитрился разругаться в пух и прах с чиновниками из-за тонкостей придворного этикета, а теперь и вовсе который день саботировал заседания из-за споров о великом ритуале. Столь бесцеремонное вторжение тётки вызвало у него лишь глухое раздражение. Однако, помня, что в бытность его безвестным удельным князем Великая принцесса Канлэ оказала ему немало услуг, император переборол гнев и лично поспешил навстречу почтенной родственнице, помогая ей подняться с колен.

— К чему эти слёзы, тётушка? Что стряслось с Шибao?

У великой принцессы было всего два законных внука: старший, подававший большие надежды, пал на поле брани, а младший — никчёмный бездельник и гуляка — продолжал коптить небо на горе всей семье. Но каков бы ни был этот оболтус, она во что бы то ни стало вознамерилась вытащить его из беды.

— Моего бедного Шибao схватили цепные псы из Восточного притвора!

В мгновение ока хитроумная старуха перевернула всё с ног на голову, выставив глупую выходку внука невинной шалостью, а действия Чи Нина — подлой и мелочной личной мстью.

— Шибao лишь шутки ради перекинулся с ним парой слов, а этот негодяй раздул дело до небес!.. — принцесса Канлэ запричитала во весь голос, разыгрывая безутешную, недалёкую старуху, готовую хоть сейчас наложить на себя руки от горя.

— Вот как?

Молодой император не поддался на дешёвое представление. Он медленно приподнял бровь, и его голос упал до вкрадчивого шёпота — верный признак надвигающейся бури.

— И тётушка действительно верит, будто я ничего не знаю о художествах её внука?

На лице великой принцессы, искушённой во дворцовых интригах с пелёнок, не дрогнул ни один мускул. Она и бровью не повела, продолжая разыгрывать оскорблённую добродетель:

— Что государь имеет в виду?

\*\*\*

«Мой смысл в том, почтенная тётушка, что судьба внука заботит тебя меньше всего. Тебе нужно лишь обелить своё семейство и отвести подозрения от принцессина дома после вчерашнего мятежа!

Ты ведь не сегодня узнала, что мальчишку упекли в темницу Восточного притвора. Почему же молчала раньше и прибежала с плачем именно теперь?

Решила поиграть со мной в дворцовые интриги? Полно, я родился и вырос в этих стенах!»

\*\*\*

Губы Вэнь Кэ дрогнули. Он едва сдержался, чтобы не высказать старой интриганке всё, что о ней думает. Брань в адрес старших родственников грубо нарушала сыновний долг и приличия, но никаких иных слов, кроме крепких ругательств, для тётушки у него не осталось.

Требуя безупречного соблюдения приличий от подданных, государь держал в узде и собственные порывы.

Сделав медленный, глубокий вдох, он вернул самообладание и заговорил ледяным тоном, наперекор воле принцессы:

— Вот как? Значит, мой верный Линь-баньбань вернулся в столицу?

— Странно, что я до сих пор об этом не извещён. Неужели от него не поступало прошений? — Вэнь Кэ перевёл тяжёлый взгляд на пишущего евнуха Дирекции церемониала, дежурившего сегодня в зале. Звали того Шан Эр.

Евнух Шан, мужчина в расцвете сил и крепкого телосложения, не принадлежал к числу старых слуг из прежней резиденции императора, но славился при дворе редкой честностью. Не желая сеять смуту и прямо обвинять коллег в утаивании почты, он тем не менее уклоняться от ответа не стал и почтительно доложил, что свиток от Чи Нина прибыл ещё вчера.

— Так почему он ещё не здесь? Призовите его немедленно, у меня к нему срочное дело, — приказал император, полностью проигнорировав вытянувшееся лицо Великой принцессы.

Великая принцесса Канлэ мгновенно смекнула, куда дует ветер. Сменив гнев на милость с поразительной для «убитой горем старухи» быстротой, она отвесила земной поклон и поспешила откланяться.

Когда гонец с императорским указом прибыл в переулок Цинши, Чи Нин уже облачился в парадное чиновничье платье и чинно сидел в главном зале. Именно ради этого момента он и затеял игру с поимкой никчёмного Вэнь Шибao. Пускай Великая принцесса Канлэ мнит себя искусной интриганкой — для него она послужила идеальной ступенью к трону.

Пусть недруги в Дирекции церемониала исходят злобой и прячут его доклады под сукно. Чем сильнее его притесняют, тем ярче засияет пред ликом государя образ верного слуги, безропотно сносящего обиды ради блага империи.

<http://bllate.org/book/20385/2108648>